

*О. Б. Дёмин,
выпускник истфака 1973 г.*

**ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАВЬЯЛОВА:
УЧИТЕЛЬ, ПЕДАГОГ, КОЛЛЕГА**

В судьбе каждого неизбежно, чаще всего неосознанно, есть человек, оказавший наибольшее влияние на жизненный путь. В университетской и научной среде такую роль зачастую играют преподаватели и научные руководители диссертаций. Но только некоторые из них становятся Учителями, и только некоторые из нас могут сказать, что у них были Учителя. Мне повезло, ибо у меня было несколько Учителей: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова Ирина Владимировна Завьялова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова Вадим Сергеевич Алексеев-Попов и доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории средних веков Института всеобщей истории Академии наук СССР (г. Москва) Александр Николаевич Чистозвонов.

Самое раннее влияние на формирование моего исторического мышления и, как оказалось, самое радикальное вмешательство в мою судьбу осуществила И.В. Завьялова. Без нее моя научная и преподавательская карьера, возможно, и не началась бы, а если бы жизнь и привела к ней, то она бы, вероятно, пошла в другую сторону. По сути, встреча с И.В. Завьяловой и работа под ее руководством в течение четырех студенческих лет определили всю мою судьбу.

В начале II курса (конец октября или начало ноября 1969 г.), вернувшись из колхоза, мы должны были выбирать тему курсовой работы. К этому времени определились мои студенческие научные интересы, связанные с историей первобытного общества.

Поэтому я хотел писать курсовую по истории первобытности. И с этим своим желанием я отправился к В.Н. Станко, которого видел своим руководителем. Но он мне объяснил, что на втором курсе все студенты пишут курсовые работы только по истории средних веков (тогда существовало правило писать курсовые не по специализациям и кафедрам, а по историческим периодам). Пообещав мне посодействовать, он повел меня на кафедру, где изложил И.В.З. мою просьбу. Это было в преподавательской кафедре истории древнего мира и средних веков, маленькой второй комнате аудитории № 9 (ул. Советской Армии /Преображенская 24), слева от гардеробной, сразу после подъема по

лестнице. Первая комната была кафедральным кабинетом, во второй стоял стол заведующего кафедрой П.О. Карышковского и столы преподавателей (кажется, только два).

Помню, эта встреча оставила тревожные чувства. Я встретился с женщиной, как мне показалось, намного старше, жестче, требовательнее, чем те преподаватели кафедры, которые работали с нами на первом курсе. Хотя она достаточно открыто и резко высказалась о моей блажи писать по первобытной истории, но постаралась в чем-то пойти навстречу такому настырному студенту. По крайней мере, она тут же, сидя посреди малой преподавательской на стуле, сформулировала мне тему, которой не было в списке названий курсовых: «Социальная структура общества салических франков по «Салической правде», обосновав ее наличием значительного источника, присовокупив, что это будет полезно для молодого человека. Уже потом, на мои робкие возражения В.Н. Станко, что предложенная проблема далека от первобытной истории, он ответил, что по-другому быть не может и лучше с Ириной Владимировной не вступать в конфронтацию.

Делать было нечего, и я принялся за работу уже в первом семестре. Во-первых, наученный опытом первого курса, я старался сделать ее как можно скорее, освободив себе время для других занятий. Во-вторых, приобретя уже некую библиографическую практику, я подготовил список литературы на библиографических карточках. Это удивило И.В. на одной из первых консультаций по курсовой работе, и она практически ничего не добавила к списку, т.к. там было уже более 30-ти позиций.

Но ее некая поддержка окрылила меня, заставила более внимательно слушать лекции И.В. Хотя я и так воспринимал их по-другому, чем лекции Я.П. Зинчука в первом семестре. В отличие от него, И.В. больше внимания уделяла историографии, называла больше имен советских историков, вспоминала медиевистов Одесского университета. Отступления от основной темы у нее были редки и носили органический характер (то есть не были личными воспоминаниями или сентенциями о нравах современной молодежи), Запомнились два таких момента, оба касавшиеся работ А.Я. Гуревича (может потому и запомнились). Первое относилось к критике книги о генезисе феодализма. И.В. осторожно говорила, что критики во многом не правы, категорически отбрасывая роль политического фактора в генезисе феодализма, о роли которого писал А.Я. Гуревич. Во втором случае речь шла о книге А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры». Здесь И.В., высоко оценивая книгу, критически отмечала, что А.Я. Гуревич по сути использовал идеи преподавателя Новороссийского университета П.М. Бицилли (даже названия обеих книг близки - у П.М. Бицилли «Элементы средневековой культуры»), практически ничего не сказав о нем.

Но значительно больше меня впечатляло то, как И.В. вела практические занятия. Прежде всего, они почти никогда не сводились к выступлениям студентов или их опросу. Мы работали напрямую с источниками, занимаясь либо комментированием текстов, либо реконструкцией исторической картины конкретного средневекового эпизода на основании источника. «Салическую правду» читали и разбирали. Изучая полиптих аббата Ирминона, мы подсчитывали количество земельных держаний, их размеры и как итог работы рисовали схему владений аббатства. Прелесть этих занятий, быть может, была и в том, что к ним не надо было готовиться, и это воодушевляло. Впрочем, восхищение такой методикой не было всеобщим. Как вспоминает Светлана Паламарчук (выпускница 1976 г.), «меня колебали подсчеты акров на практических занятиях» (Речь шла об изучении «Сотенных свитков»). Но для меня этот педагогический прием показался ценным и впоследствии, читая историю средних веков, я пошел по этому пути, даже сделал в начале 80-х гг. малодоступный тогда ксерокс документов, чтобы все студенты группы были обеспечены текстами источников.

Написание этой курсовой работы дало неожиданный результат. Кафедра получила приглашение прислать студентов для участия в III Всесоюзной студенческой медиевистической конференции в Ленинграде. В конце второго семестра второго курса И.В. вызвала меня, объяснила ситуацию, показала, как написать тезисы, проконтролировала их написание (кстати, у всех ее подопечных, тезисы написаны по одному образцу, которому следовала и она).

Так в конце января 1971 г. я вместе с однокурсником Колей Шевчуком (мы уже третьекурсники) и пятикурсниками Андреем Добролюбским, Владимиром Ковбасюком, Сергеем Мохненко попали в Ленинград. При подготовке доклада И.В. загрузила меня чтением книг О. Тьерри, С.В. Ешевского, еще кого-то. Хотя и было боязно перед лицом А.Д. Люблинской и других ленинградских медиевистов, но я смело вещал и о списках «Салической правды», и о переходном этапе, и о специфике лита. Кажется, они понимали студенческий характер доклада и снисходительно даже не задали вопросов.

Мое участие в этой конференции стало для И.В. аргументом против меня весной 1971 г., когда пришло приглашение участвовать в студенческой конференции по военной истории в Киеве. Так как я уже всюду занимался первобытной историей, то желания что-то писать по более поздним периодам у меня не было. Но И.В. умела находить доводы, и по ее настойчивой рекомендации я активно занялся изучением армии Кромвеля (И.В. читала еще и начало курса новой истории, по крайней мере, лекции по Английской революции). В университетской библиотеке было лондонское издание писем Кромвеля, и я приступил к их чтению,

что давалось с трудом. Тезисы я подготовил и передал И.В., причем они были написаны по ее совету в другой манере, чем первые - в виде развернутого плана. Однако по какой-то причине конференция не состоялась, и история кромвелевской армии отошла в сторону.

На четвертом курсе И.В. вела спецсеминар, посвященный истории общественной мысли Англии и Франции XVI в. Памятуя опыт предыдущих спецсеминаров, я постарался взять одно из первых заданий, приходившееся на начало семинара, чтобы скорее освободиться и потом заниматься другими делами. Как правило, первыми в перечне стояли темы по историографии, и я подготовил такой доклад. Мне он показался достаточно пристойным, особенно для человека, занимающегося поздним палеолитом. Однако на семинаре мое выступление подверглось уничтожающей критике И.В., как я сейчас понимаю, за поверхностность, механистическое соединение обзора работ российских и советских авторов (не помню, использовал ли иностранные работы). В общем, закономерный результат, ибо, не вникнув в суть проблемы (а я не очень- то и хотел вникать), даже простой историографический обзор не подготовишь. Но И.В. преподавала мне нравственный, хотя и излишне категорический урок: вначале она игнорировала меня на занятиях спецсеминара, не отвечала на мои «Здравствуйте!», «Добрый день, Ирина Владимировна!», а затем, поставив зачет, еще с месяц что-то бурчала в ответ на мои попытки войти в контакт. В общем, она ясно показала свое отношение к моей работе. Уже в конце четвертого курса она пояснила, что если студент может делать больше, то и спрос с него больше, и он не имеет никакого права халтурить, обладая потенциальными возможностями для подготовки хорошего доклада. Между прочим, когда я начал писать диссертацию о внешней политике Англии второй половины XVI в., то знание литературы, приобретенное на спецсеминаре, мне пригодилось.

И.В. вела еще ряд интересных спецкурсов и я, уже работая в университете и бывая у нее дома на улице Пастера 29а, кв. 127 (во дворе Холодильного института), видел огромный рукописный материал, который, к огромному сожалению, куда-то пропал. В равной мере там были представлены и тексты лекций, и выписки из англо- и франкоязычных работ.

Одним из любимых исторических периодов И.В. была эпоха Возрождения. Темы дипломных и курсовых работ, большое количество книг в домашней библиотеке, спецкурс, о котором я слышал, но который не слушал, и научный студенческий кружок. О последнем я забыл, но недавно, перебирая свой домашний архив, наткнулся на рукопись заметки старосты кружка Светланы Жеребчук о его заседаниях. Она сохранилась, потому что со второго курса я стал редактором «юллетеня НСО»,

настенного печатного органа научного студенческого общества исторического факультета. Одна из рубрик касалась работы кружков. В заметке С. Жеребчук рассказывалось о тематике докладов и, в частности, описывалось последнее заседание кружка, которое было посвящено поэзии Возрождения; оказывается, я там читал стихи.

Но с третьего курса я все больше внимания стал уделять первобытности, причем не археологии, а истории первобытного общества. Поэтому для меня как гром среди ясного неба стало озвученное накануне факультетского распределения кафедральное решение о направлении в аспирантуру по специальности всеобщая история - история средних веков. > срочно разыскал В.Н. Станко, но он страшно разочаровал меня, заявив, что это коллегиальное решение и оно ушло уже наверх, и теперь просто нельзя подводить кафедру. Тем более что, по его словам, это была инициатива И.В.

И.В. сыграла значительную роль в момент решения моей дальнейшей судьбы после окончания аспирантуры. Последние полгода аспирантуры я активно писал текст работы. > особенно не задумывался о будущем, рассчитывая решить все в конце срока. Хотя были какие-то разговоры с моим научным руководителем о работе в Москве, меня вызывали в отдел аспирантуры, когда весной приезжали в Институт за кадрами представители нескольких российских университетов. ыли определенные обстоятельства и личного порядка.

В Одессе, которая в то время была в глазах советских людей хотя и не первым, но и не вторым городом Украины, существовала тенденция ориентации в большей степени на Москву, чем на Киев. К тому же сложились определенные связи между истфаком Одессы и Институтом всеобщей истории. Не последним обстоятельством было и то, что заместителем директора Института был Иван Иванович Жигалов, специалист по новейшей истории Великобритании, выходец из Одессы. Вероятно, какие-то слухи о разных перспективах моего трудоустройства дошли до Одессы, и незадолго до окончания аспирантуры И.В. приехала в Москву, нашла меня и просто попросила приехать в Одессу, потому что некому читать историю средних веков в связи с уходом Я.П. Зинчука на пенсию. Этот шаг И.В. стал определяющим в моем дальнейшем решении.

В мои студенческие годы И.В. была прекрасным историографом, понимавшим суть данной дисциплины, а не просто знавшим литературу по проблеме. Это я понял в аспирантские годы, когда обратился к ней за консультацией по историографическому обзору моей диссертации. Мой руководитель в аспирантуре А.Н. Чистозвонов раскритиковал мой проблемно-хронологический подход в изложении литературы темы, часть, относящуюся к дореволюционной российской историографии, рекомендовал существенно сократить, а пару абзацев о литературе 1905-

1917 гг. вообще выбросить. Сказав, что А.Н. Чистозвонов ничего не понимает в историографическом процессе, она тут же очень емко и наглядно обрисовала значение работ по политической истории российских историков-англоведов и, в частности, работ начала XX в., появившихся в новых исторических условиях первой российской революции и послереволюционной свободы научной мысли. О справедливости историографических суждений И.В. говорило то, что мои возражения А.Н. Чистозвонову, изложенные в русле советов И.В., были им приняты почти без сопротивления.

Она с каким-то уже забытым мной восторгом рассказывала об историографической конференции где-то в Горьком (?), где она выступала с докладом о французском историке Оларе и была вынуждена вступить в дискуссию с ведущим советским специалистом по истории Франции А. Д. Люблинской.

Представляется, И.В. как историограф была на голову выше всех коллег по факультету, которые утверждали, что занимаются историографией, т.к., изучая историю средних веков и нового времени, знала и понимала закономерности становления и развития историографии как науки. В этом истоки ее критических отзывов в адрес историографических работ П.Г. Чухрия, К.Д. Петряева, С.И. Аппатова, А. П. Ващенко.

Она внимательно следила за современной советской и, насколько это оказывалось возможным, иностранной литературой, была чувствительна к новейшим методологическим веяниям, знала их, хотя и воспринимала несколько скептически. В научной библиотеке университета у нее были знакомые, кажется наши бывшие студенты, от которых она всегда получала последние журналы. Приходя на кафедру, с большим удовольствием начинала пересказывать содержание прочитанной книги, неважно, была ли она научная, научно-популярная или художественная. В этом случае ее оценки были вообще безапелляционны и «бездарная работа» была самой безобидной, благо, авторы этого не слышали.

Знание, жизненный опыт, длительный период работы на факультете, в том числе и то, что она была преподавателем у ряда уже ведущих доцентов факультета, в том числе и декана факультета доцента З.В. Першиной, делали ее слово авторитетным и уважаемым. На кафедре истории древнего мира и средних веков И.В. была неформальным авторитетом, но, прежде всего, в научно-педагогическом и этическом плане. Она высоко ценила заведующего кафедрой профессора П.О. Карышковского за его энциклопедические знания, эрудицию, научные работы, говорила, что его место не в провинции, а в столице, в Москве, и только смерть Сталина помешала ему перебраться туда

(планировалось создание в системе АН СССР института византиноведения, и для П.О. Карышковского там было зарезервировано место; требовалась только резолюция вождя. После смерти Сталина идея создания института ушла в небытие). С деканом факультета у И.В. установились некие особые дружественные отношения, связанные с обменом и чтением дефицитных и модных книг и журналов, близкими оценками людей и событий, какой-то общностью судьбы.

С необычайным пиететом И.В. относилась к В.С. Алексееву- Попову. Она считала его наиболее талантливым ученым факультета, но крайне несобранным, из-за чего он не смог защитить докторскую диссертацию. Очень тепло отзывалась об Анатолии Диомидовиче Бачинском и сожалела, что не сложилась научная судьба у Василия Терентьевича Галяса.

Вместе с тем она не любила бездарей и неучей и поэтому позволяла себе высказывать в их адрес достаточно резкие, нелицеприятные слова. Особенно, если таковыми оказывались студентки, причем сравнения их с травой были мягкими. В адрес студентов таких замечаний было меньше, но и они звучали очень экспрессивно. На экзаменах она была достаточно требовательной, но на нашем курсе только несколько человек пересдавали экзамен. Но как вспоминает С. Паламарчук, на её курсе (в 1972 г.) И.В. поставила 17 двоек («Я точно помню это число»). По словам Екатерины Гагауз (Попаз), выпускницы 1973 г., И.В. Завьялова запомнилась «как очень интеллигентный, строго справедливый преподаватель. было просто стыдно не знать материал, поэтому мы все (соседки по комнате в общежитии - ред.) очень старательно готовились к ее занятиям и к экзамену. Причем это каким-то своеобразным образом сочеталось (у И.В. - ред.) с чувством юмора».

Ее принципиальность и требовательность, вероятно, были одним из факторов выдвижения И.В. в народные заседатели.

И.В. была человеком высокой внутренней культуры. Она, в отличие от ряда преподавателей, особенно кафедры истории СССР, не позволяла себе опаздывать на занятия и заканчивать лекции раньше времени. Обращала внимание на внешний вид преподавателя. Подчеркивала, что молодой преподаватель должен тщательно следить за формой одежды. Мне сделала однажды замечание за расстегнутый пиджак, причем это было еще в студенческие годы. Как вспоминает С. Паламарчук, «она была непростым человеком, но мне нравились ее скептицизм, ироничность, некая ехидность ... ».

Ее педагогический талант раскрывался в ежедневном общении со студентами, невзирая на личности. Как говорит Е. Гагауз: «И по сей день вспоминаю очень часто ее разборы моих уроков во время педагогической практики в средней школе № 118. И сейчас, как и тогда, они вдохновляют

и заряжают бодростью. Она говорила, что то, о чем вы рассказываете, ваши ученики услышат только раз, поэтому тщательно продумывайте, какой материал нужно отобрать, что вы им будете говорить, продумайте, какие эмоции вызовет ваш рассказ. Еще запомнилось ее правило, что требования учителя к ученику должны быть доведены до конца. У меня в классе был очень подвижный мальчик, который все время мешал уроку. Я ему сделала несколько замечаний, в том числе пообещала выгнать с урока, но не сделала этого. Находившаяся на уроке И.В. Завьялова попеняла мне, сказав: «Вот вы пообещали выгнать и не выгнали». Я тогда на следующем уроке взяла и действительно выгнала его за подобное поведение. Но на перемене И.В. говорит: «Вот вы выгнали ученика с урока, это ЧП. Вы подумали, что с ним, дома ли он?» Я как сорвалась и побежала к нему домой - он действительно сидит дома и ест борщ».

Не удивительно, что ученики всех поколений с теплотой вспоминали И.В. Выпускник нашего факультета 50-х гг. академик НАНУ И.Ф. Курас писал у нее дипломную работу, и во многом вследствие его поддержки (так говорит народная молва) она получила квартиру после пожара во флигеле Холодильного института, где проживала.

Написав эти воспоминания, я осознал, насколько моя судьба оказалась связана с И.В. Фактически она определила все мою дальнейшую судьбу историка-медиевиста. Уже не от нее зависели дальнейшие повороты моей жизни. Она их понимала и принимала. Но уроки Ирины Владимировны Завьяловой остались навсегда в моей памяти, как и в памяти многих поколений студентов исторического факультета Одесского университета.